

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-4/79-93

Научная статья

© О. Е. Казьмина

С. А. ТОКАРЕВ О РЕЛИГИИ: ИЗУЧЕНИЕ НЕБЕСНОГО И ЗЕМНОГО В СОВЕТСКОМ КОНТЕКСТЕ

С. А. Токарев писал на самые разные темы, но основным его научным интересом было изучение религии. Он был ученым своего времени, он был марксистом и подходил к анализу религии с материалистических позиций, но он никогда не отступал от строгой и последовательной логики, отнюдь не всегда принимая официальную точку зрения. Все это ярко проявилось в его позиции в дискуссии о религии, развернувшейся на страницах журнала «Советская этнография» в 1979–1981 гг. В статье, инициировавшей дискуссию, С. А. Токарев предлагал этнографам свое видение изучения религии, несколько выходящее за рамки идеологизированного официоза, и очерчивал предметные рамки именно этнографического подхода к религии. Он поставил вопросы, не совсем свойственные своему времени и находившиеся как бы слегка поверх идеологических ограничений, расширял значимую для этнографа проблематику, при этом вовсе не отрицал, а подчеркивал важность познания народных форм религиозности — основного в то время (наряду с изучением первобытных верований) направления в изучении религии этнографами. С. А. Токарев, один из основоположников советской этнографической школы и один из создателей системы вузовского этнографического образования в СССР, был ученым своей эпохи. Но труды таких ученых, как он, обеспечивали элементы преемственности со старой школой и не отгораживали непреодолимыми барьерами советскую гуманитарную науку от мировой. Фактически вопросы, поднимавшиеся С. А. Токаревым, созвучны и с современными задачами, которые стоят перед этнологическим/антропологическим изучением религии: религиозная идентичность и ее связь с другими видами культурной идентичности, религиозная конверсия и связанные с ней сдвиги в идентичности, разные проявления и новые формы религиозности, глобальные религиозные движения, сложности религиозной статистики, религиозное и секулярное.

Ключевые слова: С. А. Токарев, советская историография, религия, этнография, дискуссия

Ссылка при цитировании: Казьмина О. Е. С. А. Токарев о религии: изучение небесного и земного в советском контексте // Вестник антропологии. 2024. № 4. С. 79–93.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-4/79-93

Original Article

© *Olga Kazmina*

S. A. TOKAREV ON RELIGION: THE CELESTIAL AND THE TERRESTRIAL IN THE SOVIET CONTEXT

S. A. Tokarev wrote on a variety of topics, yet his primary academic interest was the study of religion. He was a scholar of his time, holding Marxist views and approaching the analysis of religion from a materialistic perspective, but he never departed from strict and consistent logic, avoiding unquestioning acceptance of the official point of view. All this was clearly manifested in his contributions to the debate on religion that unfolded on the pages of the journal Soviet Ethnography in 1979 — 1981. In the article that initiated the discussion, S.A. Tokarev offered ethnographers his own vision of the study of religion, which extended beyond the ideologized officialism, and outlined the subject matter of the ethnographic study of religion. He posed questions that were not quite typical of his time and slightly above the ideological restrictions of the period. He expanded the issues significant for the ethnographer, while not denying but rather emphasizing the importance of the study of folk forms of religiosity — the main direction in the study of religion by ethnographers at that time (along with the study of primitive beliefs). S. A. Tokarev, one of the founders of the Soviet ethnographic school and a key figure in the development of the system of higher ethnographic education in the USSR, was a scholar of his era. But the works of scholars like him facilitated the continuity with the old school and did not fatally isolate the Soviet humanities from the global academic community. In fact, the issues raised by S. A. Tokarev are also in line with the contemporary challenges facing the ethnological/anthropological study of religion: religious identity and its relationship to other forms of cultural identity, religious conversion and related shifts in identity, different manifestations and new forms of religiosity, global religious movements, the complexities of religious statistics, the religious and the secular.

Keywords: *S. A. Tokarev, Soviet historiography, religion, ethnography, debate*

Author Info: **Kazmina, Olga E.** — Doctor of History, Head of the Department of Ethnology, Deputy Dean of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: okazmina@inbox.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1708-2933>

For citation: Kazmina, O. E. 2024. S. A. Tokarev about Religion: The Celestial and the Terrestrial in the Soviet Context. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 79–93.

Когда мы говорим о С. А. Токареве, то неизбежно упоминаем его невероятную эрудицию и настоящий энциклопедизм знаний. Действительно, широта научных интересов С. А. Токарева и количество работ, написанных им на самые разные темы, поражают. Но, как много раз отмечает сам Сергей Александрович в своих дневниковых записях¹, главным делом, основным его научным интересом было изучение религии. Изучение религии — сквозная тема, которую он разрабатывал с молодости и до конца жизни, она проходит через всю его научную карьеру. Заметим попутно, что одновременно это и сквозная тема этнологии и социокультурной антропологии с момента зарождения данной области знания. Это также тема, которая, хотя и с большими ограничениями, но сохранялась в советской этнографии, о чем в этой статье будет сказано более подробно.

В случае С. А. Токарева обращение к изучению религии, возможно, не только результат его академического интереса, но и влияние родословной, включавшей не одного священнослужителя и предопределившей этот интерес ученого. Возможно, и поэтому в том числе у него (в отличие от наиболее ретивых борцов с религией советского времени) никогда не было ругательного тона в отношении религии, он ее изучал, а не клеймил.

Работы С. А. Токарева о религии, вышедшие более полувека назад, не потеряли ценности благодаря огромной эмпирической базе и последовательной логике анализа. Именно этим можно объяснить, что в очередной раз они переиздавались совсем недавно: «Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в.» — первое издание в 1957 г., последнее в 2020 г. (Токарев 1957; Токарев 2020), «Ранние формы религии и их развитие» — первое издание в 1964 г., последнее в 2021 г. (Токарев 1964а; Токарев 2021), «Религия в истории народов мира» — первое издание в 1964 г., последнее в 2005 г. (Токарев 1964б; Токарев 2005). Последняя его статья — «Погребальные обычаи, их смысл и происхождение» была тоже по религиозной тематике, и вышла уже после смерти ученого (Токарев 1985: 82–87). И эту статью тоже впоследствии переиздавали. Она была напечатана в журнале «Религиоведение» в 2002 г. (Токарев 2002: 93–98).

В своих работах на религиозную тематику С. А. Токарев поднимал разные проблемы: соотношение мифа и религии, сущность магии и ее связь с религией, классификация ранних форм религии, периодизация истории религии, происхождение и функции религии, проблемы мировосприятия человека в традиционном обществе и др.

С. А. Токарев на протяжении своей долгой карьеры занимался исследованием религии и как музейный работник, и как преподаватель, и как академический сотрудник. В 1920–1930-е годы основной для него была музейная работа. Интерес к религии привел С. А. Токарева сначала к сотрудничеству с Центральным антирелигиозным музеем (созданным в 1926 г. и открывшим двери для посетителей в 1929 г.), а затем и на работу в этом учреждении. Несмотря на приставку «анти-», здесь можно было заниматься не только борьбой с «вредным пережитком», но и исследованием религии. Понятно, что главной задачей музея вполне в духе времени и в соответствии с названием было осуществление антирелигиозной пропаганды. Однако для

¹ В данной статье неоднократно цитируются дневниковые записи С. А. Токарева. Они взяты из фрагментов его дневника, опубликованных в книге «Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке» (Токарев 1995: 159–304).

реализации такой пропаганды музеем необходимо было вести исследовательскую и собирательскую деятельность. Именно такая деятельность привлекала в музей квалифицированных специалистов: историков, этнографов, археологов, фольклористов — ученых, интересующихся религией, верованиями разных народов (Терюкова 2019: 18–19). Среди них был и С. А. Токарев. Сотрудники музея изучали традиционные верования народов СССР, бытовую религиозность, проникновение религии в повседневную жизнь советских людей. Музей вел весьма активную полевою работу. Регулярно обновлявшаяся постоянная экспозиция музея была посвящена зарождению религиозных верований в первобытном обществе, религиозным культам Древнего Востока и античного мира, возникновению и дальнейшему развитию мировых религий (Терюкова 2019: 24). Все это было очень созвучно научным интересам С. А. Токарева, а весьма обширные музейные коллекции и архивные материалы музея обеспечивали богатую эмпирическую базу для его дальнейших изысканий.

И позднее, когда главными его стезями стали преподавание на университетской кафедре и работа в Институте этнографии Академии наук, С. А. Токарев активно сотрудничал с Музеем истории религии и атеизма — преемником Центрального антирелигиозного музея, консультировал его сотрудников при организации экспозиций и выставок. Вот выдержка из его письма от 31 мая 1954 г.: «... Я с большой охотой посмотрю план экспозиции отдела “Происхождение религии” и охотно поделюсь своими замечаниями, если они у меня будут. Я сделаю без всякого расчета на оплату — а просто потому, что эти дела меня самого очень интересуют» (Токарева 1995: 11).

Преподавательская работа всегда привлекала С. А. Токарева. В 1929 г. он начал работать на этнографическом отделении этнологического факультета МГУ, впрочем, уже в 1930 г. был уволен оттуда, не вписавшись в доминировавшую политизированную дискуссию о месте этнографии (Соловей 2022: 424). А в 1939 г., когда была основана кафедра этнографии на историческом факультете МГУ, С. П. Толстов — первый заведующий кафедрой — приглашает на нее С. А. Токарева, кстати, сразу профессором, хотя его докторская диссертация на тот момент была еще только на подходе. С этого времени (с перерывом на эвакуацию в Хакасию в начале Великой Отечественной войны) и до 1973 г. С. А. Токарев преподавал на кафедре этнографии исторического факультета МГУ, а с 1956 г. по 1973 г. и заведовал кафедрой. С. А. Токарев первым на кафедре стал читать лекции о религиозных верованиях народов мира, транслируя идею, что без изучения религии преподавание этнографии будет неполным. В его большой педагогической нагрузке непременно был курс по истории религии и верованиям народов мира. Именно от С. А. Токарева идет кафедральная традиция преподавания религии, и эта традиция никогда не прерывалась. А когда отпали идеологические ограничения, религиозная тематика на кафедре существенно расширилась.

С 1943 г. (т. е. с момента образования института) и до конца своей жизни С. А. Токарев трудился в Институте этнографии АН СССР. Он работал над самыми разными темами, в разные годы возглавлял разные институтские подразделения, но религия всегда занимала важное место в его исследованиях.

Обладая огромными знаниями и основанной на этих знаниях интуицией, С. А. Токарев тонко чувствовал тенденции происходившего в обществе, порой наперед видя то, что через какое-то время становилось государственной политической линией. Интересны дневниковые записи С. А. Токарева, отражающие его видение изменений в религиозной ситуации и в государственно-церковных отношениях в военный и по-

слевоенный периоды, об использовании религиозного фактора во внешней политике советского государства. 5 июля 1941 г., комментируя свое посещение Центрального антирелигиозного музея, он пишет: «Антирелигиозная работа совершенно не своевременна, т. к. православная церковь, и даже, кажется, римский папа — высказались против фашистской агрессии...» (Токарев 1995: 172), 14 апреля 1943 г.: «... Побывал в ЦАМ^е¹ — теперь ЦМИРА²... Музей свернут, разрабатывает план новой экспозиции; установки им самим еще не ясны; во всяком случае, антирелигиозная пропаганда сейчас неуместна; местами, особенно под Москвой, вновь открываются церкви» (Токарев 1995: 182). Действительно, положение Русской Православной Церкви, как и некоторых других религиозных организаций улучшилось в годы Великой Отечественной войны. Советское правительство, видя активную патриотическую позицию Церкви, имея сведения о возросшей религиозности населения и стремясь использовать Церковь для поднятия морального духа людей, пошло ей на встречу. И хотя заметные шаги в сторону улучшения государственно-церковных отношений были сделаны только в 1943 г., первые признаки смягчения государственной политики по отношению к религии появились раньше, и С. А. Токарев это сразу уловил.

Зная об огромной эрудиции С. А. Токарева, его самодисциплине и потрясающей работоспособности и видя его тонкое восприятие происходящего, дирекция института поручала ему самые разные направления не только собственно академические, но и сугубо прикладные, по которым ставились государственные задачи и требовался быстрый результат. Одним из таких прикладных направлений по заданию властей была работа по этнографическому описанию пограничных территорий и зарубежных стран, которые могли представлять для СССР военно-политический интерес. С апреля 1943 г. (т. е. непосредственно с возвращения в Москву) С. А. Токарев принял в этой работе, продолжавшейся и в последующие годы, самое активное участие. В послевоенный период, когда Советский Союз стал более активным на международной арене, власти продолжали обращаться к ученым за срочными справками о населении того или иного региона, что выводило изучение этнического состава мира (а вместе с ним и конфессионального) в приоритетную задачу. Детальные и обширные энциклопедические знания С. А. Токарева были просто незаменимы для такой прикладной работы. В 1947 г. С. А. Токарев, великолепный знаток этнического состава, истории и культуры многих народов мира, на протяжении нескольких месяцев работал в Триесте в составе Международной комиссии по демаркации итало-югославской границы (Подробнее об этом см.: Токарева 2020: 11–22). Конечно, проблемы этнических границ, определения расселения разных групп, выяснение их этнического самосознания требовали учета и конфессионального фактора, учета интегрирующей и дезинтегрирующей роли религии в этнических процессах.

На рубеже 1950–1960-х годов государство стало использовать религиозный фактор, и в частности активизацию контактов Русской Православной Церкви с зарубежными христианскими организациями, для продвижения своей внешнеполитической повестки. О возможности такого использования религиозного фактора С. А. Токарев стал рассуждать в своем дневнике гораздо раньше. 4 мая 1944 г. он пишет в дневнике о своем визите в Центральный музей истории религии и атеизма и беседе там с сотрудниками музея «о возможности подтолкнуть церковных иерархов на постановку

¹ Центральный антирелигиозный музей.

² Центральный музей истории религии и атеизма.

вопроса о сближении с западной церковью». В этой же записи он отмечает: «Было бы очень важно — это моя идея, — если бы мы использовали все свои возможности для действий в этом направлении: сближение и объединение религий, если только оно возможно, облегчило бы умиротворение человечества, послужило бы лишним, хоть и маленьким, тормозом к подготовке новых войн, да и облегчило бы развитие свободомыслия и в конечном счете преодоления религии» (Токарев 1995: 188).

С. А. Токарев был марксистом и подходил к анализу религии с материалистических позиций. При этом он никогда не отступал от ясной, строгой и последовательной логики. Это, пожалуй, характерная черта его научного стиля. Он не отступал от нее и тогда, когда логика и честный анализ приводили к выводам, не вполне вписывающимся в официальные догматические схемы. Он отнюдь не всегда принимал официальную точку зрения, хотя не был и диссидентом. В. Н. Басилов вспоминал заседание Ученого совета Института этнографии, на котором утверждали рекомендацию к печати рукописи книги С. А. Токарева «Ранние формы религии...». Работу к печати рекомендовали — коллеги не могли не видеть глубину исследования, — но дирекция настаивала на предостерегающем читателя предисловии, в котором бы говорилось об отличии подхода С. А. Токарева от общепринятых в советской этнографии концепций. Характерна и приведенная В. Н. Басиловым реакция С. А. Токарева на предложение о подобном предисловии: он недоумевал по поводу надобности такого предисловия, поскольку книга была подписана его именем, а значит излагала именно его, а не чьи-то еще взгляды (Басилов 1995: 36). С. А. Токарев относился к той категории мыслящих советских гуманитариев, которые научились, принимая марксизм, обходить его положения, противоречащие их авторским выводам, и наоборот, под покровом марксизма, утверждать порой весьма отличающиеся от мейнстрима идеи. Все это ярко проявилось в позиции С. А. Токарева в дискуссии о религии, развернувшейся на страницах журнала «Советская этнография» в 1979–1981 гг. В третьем номере этого журнала за 1979 г. вышла статья С. А. Токарева «О религии как социальном явлении (мысли этнографа)» (Токарев 1979: 87–105). Публикация статьи в главном этнографическом журнале, да еще и с пометкой «мысли этнографа», очевидно, говорит о том, что адресовалась она прежде всего коллегам по цеху — этнографам. Этнография была меньше идеологизирована, чем многие другие гуманитарные науки. И С. А. Токарев предлагал этнографам свое видение изучения религии, несколько выходявшее за рамки идеологизированного официоза. Он очерчивал в статье предметные рамки именно этнографического изучения религии. Ю. И. Семенов, один из участников этой дискуссии, полемизировавший в своей статье с рядом положений С. А. Токарева, очень точно выразил суть статьи, написав: «В ней один из наших крупнейших специалистов в этой области выступает с критикой некоторых устоявшихся представлений о религии и одновременно предлагает свое собственное понимание данного явления. Можно соглашаться с С. А. Токаревым, можно с ним не соглашаться, но несомненно, что его статья заставляет заново обратиться к вопросу о сущности религии» (Семенов 1980: 49). Статья С. А. Токарева произвела ошеломляющий эффект и вызвала дискуссию, которая продолжалась во всех номерах «Советской этнографии» 1980 г. и в первом номере 1981 г., где вышла и ответная статья С. А. Токарева «Еще раз о религии как социальном явлении (ответ моим критикам)» (Токарев 1981: 51–65). Казалось бы, продолжительная дискуссия подтверждает, что и в советское время изучение религии оставалось магистральной темой этнографии. Однако удивительным

образом этнографы в основном остались в стороне от этой дискуссии (и С. А. Токарев в своей ответной статье сожалеет об этом), а самое активное участие в ней приняли философы-религиоведы, многие из которых были известны как специалисты по так называемому научному атеизму. В этнографии была своя ниша для изучения религии, но тон в ее изучении задавали все же философы. Конечно, мы не можем судить о дискуссии почти полувековой давности с позиций сегодняшнего дня. Не хочется что-то приписывать С. А. Токареву, как и не хочется обвинять критиковавших его участников дискуссии за то, что они оставались в принятой тогда парадигме. Но тем не менее очевидно, что С. А. Токарев поставил вопросы, не совсем свойственные своему времени и находившиеся как бы слегка поверх идеологических ограничений.

Развернувшаяся дискуссия также показала, что на рубеже 1970-х и 1980-х годов жесткие рамки в изучении религии во многом сохраняли/охраняли сами религиоведы. Ведь не вполне ортодоксальная статья С. А. Токарева вышла в солидном, авторитетном журнале, и журнал счел возможным ее опубликовать. Предположение того, что эти рамки во многом поддерживались инерцией самих исследователей религии, подтверждается и более свободными взглядами литовского участника дискуссии по поводу статьи С. А. Токарева (*Минкявичюс* 1980: 88–97). Литва стала частью Советского Союза, когда наиболее жестокие и репрессивные методы борьбы с религией уже ушли в прошлое, что давало больше возможностей и для изучения религии. Между тем религиоведы из центра отчасти в силу инерции и памяти о худших временах сами становились хранителями жестких идеологических рамок. А почва для эрозии этих рамок уже была. В 1970-е годы усилились религиозные поиски, интерес к религии среди интеллигенции, а официальный грубый атеизм уже не устраивал мыслящих людей. Сам факт того, что журнал «Советская этнография» предоставил площадку для дискуссии, растянувшейся более чем на год, говорит о том, что на рубеже 1970–1980-х годов был явный интеллектуальный запрос на изучение/понимание религии и вряд ли это был запрос на констатацию догм, хотя большинство участников дискуссии именно их и отстаивали.

Советская марксистская этнография, и в целом социогуманитарная наука, в очень сильной степени была повернута к эволюционизму — порой в его примитивном и упрощенном виде, многие положения марксизма легко вписывались в эволюционистские схемы. Что касается С. А. Токарева, то и его марксизм, и его эволюционизм были тоньше. Он старался уходить от схоластических схем, базировать свои построения на огромном фактическом материале, которым он владел. Это показала и его статья, инициировавшая дискуссии. Не переступая за «красные линии» марксизма, она тем не менее выходила за привычные рамки. Участники дискуссии это признавали, хотя и относились по-разному (см.: *Муравьев* 1980: 80; *Шахнович* 1980: 84).

В этой статье С. А. Токарев поставил несколько проблем, важных, по меньшей мере, для изучения религии в этнографии. Это недостаточность принятого определения религии, этическая составляющая религии, роль религиозной принадлежности в этнической самоидентификации, взаимоотношения науки и религии — проблемы, актуальные и сейчас. Он расширял значимую для этнографа проблематику, при этом вовсе не отрицал, а подчеркивал важность изучения народных форм религиозности — основного в то время (наряду с изучением первобытных верований) направления в изучении религии этнографами. Кстати, дискуссия показала, что именно эти темы воспринимались как коллегами-этнографами (*Громов* 1980: 72–76), так и философами (*Шердаков* 1980: 64) этнографическим доменом в изучении религии.

В ходе дискуссии встал вопрос о самом определении религии. Впрочем, при его неизменном стремлении к систематизации материала проблема определения религии волновала С. А. Токарева и ранее. Религия — настолько многоплановый феномен, а разные религии настолько многообразны, что существует множество определений религии. Каждое из них подчеркивает определенный аспект и исходит из теоретической ориентации автора. Распространенные в советской историографии определения религии отражали характерный для советского гуманитарного знания симбиоз эволюционизма и марксизма. Они базировались на тайлоровском определении минимума религии как веры в духовные (сверхъестественные) существа и на марксистском восприятии религии как опиума, призванного примирить с угнетением и эксплуатацией. Но определение Э. Тайлора хорошо применимо для религиозных систем, где есть представление о божестве (божествах, сверхъестественных существах), с трудом подходит к религиям, где нет персонификации божества и где центральное место занимают не убеждения, вера, а действия и образ жизни. Обширные знания С. А. Токарева не позволяли ему ограничивать определение религии верой в сверхъестественное. Еще в книге «Ранние формы религии» С. А. Токарев отошел от принятого тогда, да и в последующие десятилетия, определения религии через веру: «Религия есть отношение человека к воображаемому сверхъестественному миру...» (Токарев 1964а: 32). Так и в статье, начавшей дискуссию, С. А. Токарев подчеркивал, что основой религии не обязательно выступает именно вера. Существование сверхъестественного могло восприниматься, особенно в традиционном обществе само собой разумеющимся. С. А. Токарев развернул определение религии к человеку: не случайно подзаголовок статьи — мысли этнографа. Он подчеркивал, что религия «есть не столько отношение человека к богу (богам), сколько отношение людей друг к другу по поводу представлений о боге (богах)» (Токарев 1979: 96). Неудовлетворенность С. А. Токарева принятым в советском религиоведении определением удивляла советских философов: «С. А. Токареву, по-видимому, не по душе господствующая в нашей литературе концепция, согласно которой главным, основным признаком религии является вера в сверхъестественное», — отмечал Ю. И. Семенов в ходе дискуссии (Семенов 1980: 49). Среди участников дискуссии только Я. В. Минкявичюс обосновывал наличие в мировой историографии многих определений религии: «Наличие множества ее (религии — О. К.) определений свидетельствует о сложности предмета, продолжающихся поисках сути религии, переплетении всевозможных концептуальных ее толкований. Да и едва ли могут эти интерпретации быть однозначными и завершенными, пока существует (и, значит, эволюционирует, существенно изменяется, оказывается в новых условиях) религия, пока при решении этого вопроса сталкиваются различные методологические позиции и различные методологические ориентации» (Минкявичюс 1980: 88). Действительно, религия трудно поддается определению, и каждое определение имеет свою эвристическую ценность, подчеркивая какое-то важное измерение религии. Но ни одно определение не является полностью адекватным и исчерпывающим, и уж тем более «истинным». Определение может быть лишь более или менее продуктивным, и любое определение ставит новые проблемы, связанные с определением.

И тем не менее С. А. Токарев показал, что тайлоровское и производные от него определения фактически устраивали и атеистов, и богословов. Разница лишь в том, что богословы признавали реальность сверхъестественного, а атеисты ее отрица-

ли. И. А. Кривелев усмотрел в этом, что С. А. Токарев предлагает деидеологизацию религии (Кривелев 1980: 77), с чем, пожалуй, можно согласиться. С. А. Токарев стремился, насколько это было возможно, не ограничивать изучение религии жесткими идеологическими схемами. Но даже небольшие отступления С. А. Токарева от догмы вызывали у апологетов «научного атеизма» упреки, что С. А. Токарев «обнаруживает довольно реальную приверженность к традиционным теологическим построениям» (Кривелев 1980: 77).

В статье, вызвавшей дискуссию, С. А. Токарев обратил внимание на моральную составляющую религии. Он поднял вопрос о происхождении зла, о том, какой ответ на него дает та или иная религия. Такая постановка была не типична для официальных трактовок религии как об ошибочном сознании и опиуме и тоже вызвала резкое отторжение некоторых участников дискуссии. Само обращение внимания на этические проблемы в рассмотрении содержания религии виделось поборникам «научного атеизма» недопустимым. Д. М. Угринович, споря с С. А. Токаревым, писал, что «объявляя главным содержанием религии этическую проблему, мы невольно тем самым оказываем услугу защитникам религии, которые стремятся всеми способами доказать невозможность существования морали без религии» (Угринович 1980: 71). С. А. Токарев старался избегать упрощенных взглядов на происхождение религии, предлагая считать страх и бессилие человека перед силами природы или социальной стихией предпосылкой религии, а не ее реальным корнем (Токарев 1979: 103), за что в очередной раз получил упреки в идеализме и отходе от марксизма (Муравьев 1980: 81). Дискуссия ярко высвечивала, как тщательно официальные рамки советского религиоведения поддерживались его адептами. А С. А. Токарев лишь немного раздвигал эти рамки и делал не вполне вписывавшиеся в принятую норму заключения предельно осторожно, зачастую как бы подстраховываясь особой критикой христианства (его ругать было особенно принято в «научном атеизме»).

Особое внимание в статье, вызвавшей дискуссию, С. А. Токарев уделил социальным функциям религии и сути религиозной идентификации и самоидентификации. Он писал о важности «изучить социальную функцию данной религии (и вообще всякой религии) как одного из социальных признаков, отделяющих одну группу людей от другой» (Токарев 1979: 97). Идею С. А. Токарева о роли религии в очерчивании границы группы поддержал философ В. Н. Шердаков, отмечая: «“Мы мусульмане”, “мы крещеные” — так говорили и говорят многие, имея в виду не символы веры, а лишь метаэтническую общность; так могут говорить и те, кто не верит ни в Христа, ни в Аллаха» (Шердаков 1980: 66). Среди участников дискуссии на важность тезиса С. А. Токарева об интегрирующей и сегрегирующей функции религии, о ее этнизации обращал внимание Я. В. Минкявичюс, подчеркивая, что религия «вплетается в социально-культурный тип этнически определенного общества» (Минкявичюс 1980: 90). Однако роль религии как интегрирующего и дезинтегрирующего фактора была понята и принята не всеми участниками дискуссии, и С. А. Токарев еще более подробно разъяснял это в завершающей дискуссию статье. Он подчеркивал роль религии в выстраивании оппозиции «свои» — «чужие». «С самого начала и до самого конца религия, — пишет ученый, — есть форма социальной связи, взаимостягивания (интеграции) единоверцев и взаимоотталкивания (сегрегации) иноверцев» (Токарев 1981: 51). И далее продолжает: «В этом смысле она выполняет ту же (точнее, аналогичную) роль, что любой другой “этнический признак”: язык, формы матери-

альной культуры, народное творчество и пр.» (Токарев 1981: 51–52). Он считал религию одним из важных этнических признаков. Религия этнизируется. Она становится частью этнической культуры.

В этих двух статьях — в начале и в конце дискуссии — С. А. Токарев обращает внимание этнографов на необходимость изучать роль религиозного фактора в этническом самосознании, интеграции и сегрегации, т. е. роль религии в этнической идентичности, как это будет обозначаться позднее, и соотношение религиозной и этнической идентичности. Он поднимает вопросы, которые будут актуальны в 1990-е годы, в период роста интереса к религии и усилению роли религии в обществе. Еще тогда он обращал внимание на то, что связи человека с «его» конфессией могут быть разными, а не обязательно базироваться на вере в определенные положения, принятия/знания догматики. Он подчеркивает, что если вспомнить, что религии «включают в себя ... строгую догматику, разные “символы веры”, богословские учения и пр., то странно даже и подумать, что все это может требоваться от простого мирянина-“верующего”. Ведь чтобы убедиться в том, что вполне можно “иметь верования и не знать их”, достаточно произвести нехитрый эксперимент: задать прихожанину любой церкви два-три вопроса по православному катехизису. Спор решится сам собой» (Токарев 1981: 55). При этом С. А. Токарев не ставил под сомнение отнесение таких прихожан к категории православных, что понятно. В советское время неверующие люди вряд ли стали бы ходить в церковь. Знание догматики нередко отходит на второй план, а на первый выдвигаются практики и ритуалы, а также связь со «своей» группой.

Связь религии и этничности нельзя недооценивать. С. А. Токарев, тонко чувствовавший происходившее в его эпоху, видел это. Советское общество было, безусловно, светским, но тем не менее оно не стало атеистическим. Некоторые религиозные практики сохранялись, прочно укоренившись в этнической культуре и зачастую воспринимаясь как народные. Проявления религии воспринимались частью этнической традиции, религиозные предписания не осмысливались на догматическом уровне, но воспринимались как необходимые (или желательные) составляющие образа жизни: многие советские люди стремились крестить своих детей, совершать религиозные обряды по своим умершим родственникам, красили на Пасху яйца и т. д. И государство при всей нетерпимости к религиозной идеологии терпело такого рода «этнорелигиозность». Например, на прилавках советских магазинов именно перед Пасхой появлялся «кекс весенний» (назвать его пасхальным куличом идеология все же не позволяла). С другой стороны, та же тесная связь между религией и этничностью вела к формированию так называемого народного православия, для которого характерны отсутствие религиозного ригоризма, пренебрежение догматическим учением (и допустимость его незнания), включение в религиозные представления и практики элементов дохристианских верований, особое поклонение наиболее любимым (и более понятным) святым как покровителям определенных сфер жизни и деятельности, переосмысление в народном/этническом ключе религиозных праздников. Это народное православие, достаточно аморфное и сочетающееся с этническими традициями и народными приметами не позволило искоренить религию в атеистический советский период и облегчило возвращение официальной церкви в общественную сферу и повседневную жизнь людей после смены идеологии. Однако такая этнизация религиозности одновременно отдаляла народное православие от официального. Эта этнизация также обусловила несовпадение числа верующих и причисляющих, прак-

тикующих и ассоциирующих. Некоторые элементы народного православия тяготеют к суевериям, сильно отличаясь от официального учения. Например, почитатели святых и сакральных мест порой ищут практическую отдачу от своего почитания, некоторые на Крещение окунаются в прорубь, чтобы смыть сглаз и подновить тело, принимают пищевые ограничения Великого поста как полезную диету. Переосмысление некоторых религиозных атрибутов и символов и их включение в рамки культурной традиции — порой не без помощи советского государства, секуляризировало некоторые из них. Так, рождественская елка превратилась в новогоднюю, утратила связь с христианством и стала новогодним атрибутом в домах христиан, представителей других религий, неверующих. С другой стороны, такое народное православие служило резервом для воцерковления, для реального приобщения к Церкви.

Современники С. А. Токарева не случайно задавались вопросом, как он относился к религии, был ли он верующим человеком. Этот вопрос находим, в частности, в воспоминаниях С. Я. Козлова о С. А. Токареве на страницах журнала «Этнографическое обозрение» (Козлов 1999: 9–10). Вопрос не случайный, но вряд ли надо пытаться на него ответить. К тому же отношение С. А. Токарева к религии могло меняться на протяжении его долгой жизни. Святейший Патриарх Алексий II в одном из своих выступлений, напомнив слова из Нового Завета, сказал: «Обоснованно судить о вере людей можно только на основе подлинного знания их сердца, Сердцеведец же один только Господь (Деян. 1.24)» (Дом 2005). Но действительно, С. А. Токарев, не переступая официальную марксистскую рамку (а порой, возможно, прикрываясь ей как охранительной грамотой) писал о религии не совсем так, как тогда было принято. В дневниковой записи С. А. Токарева от 8 августа 1944 г. мы находим следующую запись: «... Об истории религии: Толстов убеждает меня отказаться от изложения моих “еретических” взглядов, излагать теоретические вопросы более нейтрально и более согласно с взглядом “большинства”, а с другой стороны, сократить раздел о высших религиях. Я очень смущен этим требованием: не могу же я говорить на лекциях то, что противоречит моим взглядам...» (Токарев 1995: 190). Вот они, очень жесткие рамки дозволенного в советском религиоведении. Но эта запись, между прочим, заставляет задуматься и о другом. Да, зачастую университетская наука более консервативна, чем наука академическая: учебные планы меняются не так просто и быстро, и преподаватель несет ответственность за то, чему учит студентов. Но вместе с тем на лекциях и семинарах апробируются порой еще не опубликованные мысли и гипотезы ученого-преподавателя, а студенческая аудитория может быть чутким, тонким и строгим критиком. У университетских преподавателей, по сравнению с академическими учеными, по естественным причинам, гораздо меньше времени для исследований, но есть весьма ценная постоянная обратная связь. С. А. Токарев был и академическим ученым, и вузовским преподавателем, имевшим благодаря студентам эту обратную связь, и приведенная выдержка из его дневника демонстрирует, что он ценил эту обратную связь. Он не мог / не хотел выглядеть перед студентами серым конъюнктурщиком, пережевывающим затасканные догмы. Ответственность перед студенческой аудиторией в том числе задавала те высокие стандарты, которым он следовал в своем творчестве.

С. А. Токарев еще в середине XX в. подвергал сомнению противопоставление науки и религии. Вот запись от 12 мая 1959 г. из его дневника: «... заседание “Научного совета по координации работы в области атеизма и критики религии” ... я опять высказывал мнение, что традиционное противопоставление наука contra религия — не-

верно, неглубоко, что у религии более глубокие корни...» (Токарев 1995: 237). Очень смелое для того времени утверждение. Эту же мысль С.А. Токарев проводит в статье 1979 г. Не удивительно, что в развернувшейся дискуссии эта мысль вызвала сильное раздражение такого борца с религией, как И. А. Кривелев (Кривелев 1980: 74). Но ведь даже в настоящее время среди представителей академического сообщества нет единого отношения к вопросам веры, к религии, разные ученые по-разному видят взаимоотношения науки и религии. Однако это совсем не означает, что науку и религию необходимо считать взаимоисключающими сферами. Существуют порожденные историческим развитием взаимоотношений науки и религии стереотипы, которые не преодолены и поныне. Считается, что наука имеет дело с фактами, а религия с верой. Но сами факты (особенно в гуманитарном знании) по-разному интерпретируются в зависимости от веры или безверия. Наука и религия не могут быть интегрированы, но и не должны противопоставляться. Наука не может ответить на все вопросы, поднимаемые религией, как и религия не может ответить на все вопросы, которые ставит наука. Но там, где есть человеческий фактор, там, где затрагивается человеческое бытие, при его постижении и осмыслении неизбежно соседствуют, а порой и взаимодополняют друг друга научный взгляд и религиозный опыт.

И уж совсем бунтарски для специалистов по научному атеизму звучало заявление С. А. Токарева в той статье 1979 г. о безнадежности и беспредметности повторения фраз «бог есть» и «бога нет» в попытках выяснения различия в понимании сущности религии верующими и атеистами (Токарев 1979: 96). На эту фразу с неприятием, а порой и раздражением обратили внимание многие участники дискуссии (Угринович 1980: 71; Кривелев 1980: 76; Семенов 1980: 62; Григулевич 1980: 62). С. А. Токарев же предостерегал этнографов от участия в этом беспредметном споре, предлагая исследовать важные для этнографии сюжеты. Кстати, бессмысленность подобного спора признавали и некоторые философы. В данной дискуссии С. А. Токарева по этому вопросу поддержал В. Н. Шердаков. Он пишет: «Тот атеизм, который ограничивается отрицанием бога и потустороннего мира как пустых фикций, фантазии, выдумки, пуст, как пуста была бы и вера в бога, не связанная с определенным пониманием жизни. Бог в известном смысле — самая реальная сила. Во всей истории человечества трудно было найти другую столь же действенную идею, которая по продолжительности и силе воздействия могла бы сравниться с идеей бога» (Шердаков 1980: 65). Пожалуй, высказывание гораздо более радикальное, чем заявление С. А. Токарева. Впрочем, как было тогда принято, В. Н. Шердаков вслед за таким диссидентским утверждением обращается к марксизму и пишет, что для марксиста главное, что «идея бога является производной от ее социальной функции» (Шердаков 1980: 66). Воистину, советские ученые научились виртуозно использовать марксизм, чтобы отстаивать противоречащие ему мысли. Однако само то, что не очень вписывавшиеся в официоз заявления как С. А. Токарева, так и некоторых других участников дискуссии попали на страницы академического журнала, в очередной раз свидетельствовал о том, что борьба с религией сверху на рубеже 1970-х и 1980-х годов сильно сбавила свои обороты, и следовательно, в это время были расширены и возможности академического изучения религии, а многие ограничения ставили сами религиоведы.

С. А. Токарев был против грубого противопоставления науки и религии, хотя религию изучал безусловно со светских позиций. Он был советским ученым, одним из основоположников советской этнографической школы и одним из создателей систе-

мы вузовского этнографического образования СССР (См., например, *Токарев* 1958). Советская этнография — это, безусловно, иная, новая страница в истории этнологической науки. И С. А. Токарев, конечно, был ученым своей эпохи. Но благодаря трудам таких ученых, как он, в советской этнографии отводилось важное место изучению и преподаванию религии, что обеспечивало элементы преемственности со старой школой и не отгораживало непреодолимыми барьерами советскую гуманитарную науку от мировой. Фактически вопросы, поднимавшиеся С. А. Токаревым, созвучны и с современными задачами, которые стоят перед этнологическим/антропологическим изучением религии: религиозная идентичность и ее связь с другими видами культурной идентичности, религиозная конверсия и связанные с ней сдвиги в идентичности, разные проявления и новые формы религиозности, глобальные религиозные движения, сложности религиозной статистики, религиозное и секулярное (а также концепты секуляризации, десекуляризации, постсекулярного, постхристианского), наука и религия и др.

Источники и материалы

Дом 2005 — «Дом, где исцеляются сердца». Святейший Патриарх Московский и всяя Руси Алексей II ответил на вопросы «Российской газеты» // Российская газета. 15.06.2005 г.

Научная литература

- Басилов В. Н.* С. А. Токарев как представитель русской культуры // Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке / Отв. ред.-сост. С. Я. Козлов, П. И. Пучков. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 31–40.
- Григулевич И. Р.* О социальной роли религии (мысли религиоведа по поводу мыслей этнографа) // Советская этнография. 1980. № 6. С. 61–66.
- Громов Г. Г.* Некоторые спорные вопросы изучения религии // Советская этнография. 1980. № 5. С. 72–83.
- Козлов С. Я.* ...И дольше века длится жизнь (Заметки юбилейные и не очень) // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 3–15.
- Крывелев И. А.* О существенном и несущественном в изучении религии // Советская этнография. 1980. № 1. С. 72–79.
- Минкявичюс Я. В.* О содержании религии // Советская этнография. 1980. № 4. С. 88–97.
- Муравьев Ю. А.* Религия: вера, иллюзия, знание // Советская этнография. 1980. № 4. С. 80–87.
- Семенов Ю. И.* О сущности религии // Советская этнография. 1980. № 2. С. 49–63.
- Соловей Т. Д.* История российской этнологии в очерках. XVIII — начало XXI в. М.: Этносфера, 2022. 612 с.
- Терюкова Е. А.* Центральный антирелигиозный музей в Москве и изучение народной религиозности в СССР в 1930 — 1940-х годах // Из архива. Труды по истории и антропологии религии (1929–1946) / сост., подгот. М. М. Шахнович, Е. А. Терюковой; под ред. М. М. Шахнович. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2019. С. 18–28.
- Токарев С. А.* Еще раз о религии как о социальном явлении (ответ моим критикам) // Советская этнография. 1981. № 1. С. 51–65.
- Токарев С. А.* Из дневников // Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке / Отв. ред.-сост. С. Я. Козлов, П. И. Пучков. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 159–304.
- Токарев С. А.* О религии как о социальном явлении (мысли этнографа) // Советская этнография. 1979. № 3. С. 87–105.
- Токарев С. А.* Погребальные обычаи, их смысл и происхождение // Природа. 1985. № 9. С. 82–87.

- Токарев С. А. Погребальные обычаи, их смысл и происхождение // Религиоведение. 2002. № 4. С. 93–98.
- Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964а. 399 с.
- Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М.: Ленанд, 2021. 400 с.
- Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М.: Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 164 с.
- Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М.: Ленанд, 2020. 164 с.
- Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1964б. 559 с.
- Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М.: Республика, 2005. 543 с.
- Токарев С. А. Этнография народов СССР: исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во Московского университета, 1958. 616 с.
- Токарева Е. С. Сергей Александрович Токарев и его поездка в Болгарию, Югославию и Италию (1946–1947 гг.) // С. А. Токарев. Проблемы Триеста и Юлийской Крайны в послевоенном урегулировании в Европе. Дневники члена четырехсторонней Комиссии экспертов по проведению итало-югославской границы. М.: Индрик, 2020. С. 7–34.
- Токарева О. В. Краткие биографические сведения о С. А. Токареве // Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке / Отв. ред.-сост. С. Я. Козлов, П. И. Пучков. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 7–14.
- Уринович Д. М. О марксистском понимании религии // Советская этнография. 1980. № 1. С. 66–71.
- Шахнович М. И. Развивать исследование проблем религии // Советская этнография. 1980. № 2. С. 84–87.
- Шердаков В. Н. О главном в понимании религии // Советская этнография. 1980. № 2. С. 64–70.

References

- Basilov, V. N. 1995. S. A. Tokarev kak predstavitel' russkoi kul'tury [S. A. Tokarev as a Representative of Russian Culture]. In *Blagodarim sud'bu za vstrechu s nim. O Sergee Aleksandroviče Tokareve — uchenom i cheloveke* [We Thank Fate for Meeting Him. About Sergey Aleksandrovich Tokarev — Scholar and Person], ed. by S. Ya. Kozlov and P. I. Puchkov. Moscow: Insitut etnologii i antropologii RAN. 31–40.
- Grigulevich, I. R. 1980. O Sotsial'noi Roli Religii (Mysli Religieveda po Povodu Myslei Etnografii) [On the Social Role of Religion (Thoughts of a Specialist of Religion on the Thoughts of a Specialist of Ethnography)]. *Sovetskaia etnografiia* 6: 61–66.
- Gromov, G. G. 1980. Nekotorye spornye voprosy izuchenii religii [Some Controversial Issues in the Study of Religion]. *Sovetskaia etnografiia* 5: 72–83.
- Kozlov, S. Ya. 1999. ...I dol'she veka dlitsia zhizn' (Zametki yubileinye i ne ochen') [... The Life Lasts More Than a Hundred Years (Anniversary and Not So Anniversary Notes)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 3–15.
- Kryvelev, I. A. 1980. O sushchestvennom i nesushchestvennom v izuchenii religii [On the Essential and Non-essential in the Study of Religion]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 72–79.
- Minkiavichius, Ya. V. 1980. O sodержanii religii [On the Content of Religion]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 88–97.
- Muraviev, Yu. A. 1980. Religii: vera, illiuziia, znanie [Religion: Belief, Illusion, Knowledge]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 80–87.
- Semenov, Yu. I. 1980. O sushchnosti religii [On the Essence of Religion]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 49–63.
- Shakhnovich, M. I. 1980. Razvivat' issledovanie problem religii [Developing the Study of the Problems of Religion]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 84–87.
- Sherdakov, V. N. 1980. O glavnom v ponimanii religii [On the Essentials in Understanding Religion]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 64–70.

- Solovei, T. D. 2022. *Istoriia Rossiiskoi etnologii v ocherkakh. XVIII — nachalo XXI v.* [History of Russian Ethnology in Essays. 18th — early 21st century] Moscow: Etnosfera. 612 p.
- Teriukova, E. A. 2019. Tsentral'nyi antireligiozniy muzei v Moskve i izuchenie narodnoi religioznosti v SSSR v 1930–1940-kh godakh [The Central Antireligious Museum in Moscow and the Study of Popular Religiosity in the USSR in the 1930s–1940s]. In *Trudy po istorii i antropologii religii (1929–1946)* [Works on the History and Anthropology of Religion (1929–1946)], ed. by M. M. Shakhnovich. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sank-Peterburgskogo Universiteta. 18–28.
- Tokarev, S. A. 1957. *Religioznye verovaniia vostochnoslavianskikh narodov XIX — nachala XX v.* [Religious Beliefs of the East Slavic Peoples of the 19th — early 20th century]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 164 p.
- Tokarev, S. A. 1958. *Etnografiia narodov SSSR: istoricheskie osnovy byta i kul'tury* [Ethnography of the USSR Peoples: Historical Foundations of Everyday Life and Culture]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta. 616 p.
- Tokarev, S. A. 1964a. *Rannie formy religii i ikh razvitie* [Early Forms of Religion and Their Evolution]. Moscow: Nauka. 399 p.
- Tokarev, S. A. 1964b. *Religiia v istorii narodov mira* [Religion in the History of the Peoples]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. 559 p.
- Tokarev, S. A. 1979. O religii kak o sotsial'nom yavlenii (mysli etnografa) [On Religion as a Social Phenomenon (Thoughts of an Ethnographer)]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 87–105.
- Tokarev, S. A. 1981. Eshche raz o religii kak o sotsial'nom yavlenii (otvet moim kritikam) [Once Again on Religion as a Social Phenomenon (a Response to my Critics)]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 51–65.
- Tokarev, S. A. 1985. Pogrebal'nye obychai, ikh smysl i proiskhozhdenie [Burial Customs, Their Meanings and Origins]. *Priroda* 9: 82–87.
- Tokarev, S. A. 1995. Iz dnevnikov [From the Diaries]. In *Blгодарим sud'bu za vstrechu s nim. O Sergee Aleksandroviče Tokareve — uchenom i cheloveke* [We Thank Fate for Meeting Him. About Sergey Aleksandrovich Tokarev — Scholar and Person], ed. by S. Ya. Kozlov and P. I. Puchkov. Moscow: Insitut etnologii i antropologii RAN. 159–304.
- Tokarev, S. A. 2002. Pogrebal'nye obychai, ikh smysl i proiskhozhdenie [Burial Customs, Their Meanings and Origins]. *Religiovedenie* 4: 93–98.
- Tokarev, S. A. 2005. *Religiia v istorii narodov mira* [Religion in the History of the Peoples]. Moscow: Respublika. 543 p.
- Tokarev, S. A. 2020. *Religioznye verovaniia vostochnoslavianskikh narodov XIX — nachala XX v.* [Religious Beliefs of the East Slavic Peoples of the 19th — early 20th century]. Moscow: Lenand. 164 p.
- Tokarev, S. A. 2021. *Rannie formy religii i ikh razvitie* [Early Forms of Religion and Their Evolution]. Moscow: Lenand. 400 p.
- Tokareva, E. S. 2020. Sergei Aleksandrovich Tokarev i ego poezdka v Bolgariiu, Yugoslaviu i Italiu (1946–1947 gg.) [Sergei Aleksandrovich Tokarev and his Trip to Bulgaria, Yugoslavia and Italy (1946–1947)]. In *S. A. Tokarev. Problemy Triesta i Yuliiskoi Krainy v poslevoennom uregulirovanii v Evrope. Dnevniki chlena chetyrekhstronnei Komissii ekspertov po provedeniiu italo-yugoslavskoi granitsy* [S. A. Tokarev. Problems of Trieste and Julijska Krajina in the Post-war Regulation in Europe. Diaries of a Member of the Quadrilateral Commission of Experts on the Italian-Yugoslavian Border], ed. by E. S. Tokareva. Moscow: Indrik. 7–34.
- Tokareva, O. V. 1995. Kratkie biograficheskie svedeniia o S. A. Tokareve [Brief Biographical Notes on S. A. Tokarev]. In *Blгодарим sud'bu za vstrechu s nim. O Sergee Aleksandroviče Tokareve — uchenom i cheloveke* [We Thank Fate for Meeting Him. About Sergey Aleksandrovich Tokarev — Scholar and Person], ed. by S. Ya. Kozlov and P. I. Puchkov. Moscow: Insitut etnologii i antropologii RAN. 7–14.
- Ugrinovich, D. M. 1980. O marksistskom ponimanii religii [On the Marxist Understanding of Religion]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 66–71.